

Т. А. МАЙСАК, С. Р. МЕРДАНОВА
КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Категория эвиденциальности в типологической перспективе

Категория эвиденциальности (в русской традиции распространен также термин “заглазность”) выражает указание на источник сведений говорящего относительно ситуации, о которой он сообщает. Основное противопоставление в рамках данной категории сводится к указанию на то, что ситуация наблюдалась непосредственно самим говорящим (“прямая засвидетельствованность”) либо на то, что ситуация самим говорящим не наблюдалась, а его утверждение базируется на некотором другом источнике (“косвенная засвидетельствованность”). Дальнейшие важные противопоставления внутри косвенной засвидетельствованности связаны с тем, каков именно этот источник: сделал ли говорящий вывод о том, что ситуация имела место, на основе каких-либо ее наблюдаемых проявлений (“инферентивность”), узнал ли он о ситуации от другого лица (“пересказывательность”) и т.п.

В последние 15-20 лет эвиденциальность интенсивно исследовалась на материале самых различных языков; были описаны основные типы эвиденциальных значений, выражаемых в языках мира, а также установлены основные пути диахронического развития этих значений. Среди основных работ по типологии эвиденциальности можно отметить сборники статей [Chafe, Nichols (eds.) 1986; Guentchéva (ed.) 1996], а также обобщающие работы [Willett 1988; Plungian 2001] и др.; единственной специальной работой на русском языке остается статья [Козинцева 1994], см. также общее введение в проблематику в недавних курсах общей морфологии [Мельчук 1998: 199-201; Плунгян 2000: 321-325].

В нахско-дагестанских языках, известных богатством видо-временных форм глагола, категория эвиденциальности также была обнаружена. Не исключено, что грамматическое выражение эвиденциальности свойственно всем языкам этой семьи; в настоящее время, однако, лишь для некоторых языков имеется описание форм, выражающих эвиденциальные значения (см. прежде всего грамматики арчинского [Кибрик 1977], цахурского [Кибрик (ред.) 1999], багвалинского [Кибрик (ред.) 2001] языков). К языкам, в которых категория эвиденциальности до настоящего времени не была обнаружена и описана, относится и агульский (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи).

История изучения агульского языка насчитывает уже порядка ста лет, и на протяжении XX века было опубликовано несколько его грамматических описаний, см. прежде всего монографии [Дирр 1907; Шаумян 1941; Магомедов 1970; Сулейманов 1993; Тарланов 1994], имеется также ряд кратких очеркови работ частого характера. Несмотря на то, что агульский язык является достаточно неплохо изученным по сравнению со многими другими языками Кавказа, далеко не все грамматические явления описаны в нем достаточно подробно. В первую очередь это относится к грамматической семантике: хотя образование форм именной и глагольной парадигмы характеризуется в имеющихся описаниях достаточно полно, сведения о значении и употреблении этих форм чрезвычайно кратки, а для каких-то форм отсутствуют вовсе.

Целью данной работы является показать место категории эвиденциальности в системе грамматических категорий агульского глагола и охарактеризовать грамматиче-

ские средства выражения эвиденциальных значений в агульском языке. Исследование основывается на данных хпюкского говора, в целом близкого собственно агульскому диалекту, однако имеющего ряд особенностей; ранее этот говор в литературе специально не описывался, но в настоящее время готовится его грамматическое описание [Мерданова, Майсак 2002].

2. Обзор средств выражения эвиденциальных значений

Основной формой агульского языка, маркированной по категории эвиденциальности, является Результатив¹ (данная форма известна также как “прошедшее результативное” [Магометов 1970; Тарланов 1994] и “настоящее результативное” [Сулейманов 1993]); см. о ней раздел 2.1. Инферентивное значение свойственно также форме Прошедшего результативного общефактического; см. раздел 2.2. Наконец, специализированным средством выражения пересказывательности служат глагольные формы с показателем *-Raj*, рассматриваемые в разделе 2.3.

2.1. Результатив

Форма Результатива является одной из двух основных агульских форм прошедшего времени. Обе они исходно представляют собой аналитические формы, образованные при помощи деепричастия совершенного вида и одного из двух бытийных глаголов (в настоящее время, однако, вспомогательный глагол в составе этих форм практически утратил автономность, так что формы близки синтетическим). Первая из этих форм, Перфект (или Прошедшее перфективное), образована от усеченного деепричастия совершенного вида (ср. *aq'una* ‘сделав’) при помощи вспомогательного глагола *e* ‘быть, иметься’ в настоящем времени; ср. *aq'un-e* ‘сделал’. Форма Результатива образована от деепричастия совершенного вида при помощи вспомогательного глагола *a* ‘быть, находиться’; ср. *aq'una-a* ‘сделано’).²

Семантически Перфект и Результатив противопоставлены по двум основаниям.

Во-первых, они различаются по своему аспектальному значению. Перфект является акциональной формой, т.е. он обозначает действие в прошлом, сохраняющее актуальность в момент речи; Результатив же имеет статальное значение, т.е. он обозначает существующее в момент речи состояние, наступившее в результате предшествующего действия. Если Перфект используется в том случае, когда акцент делается на самом осуществлении некоторого события (‘что случилось?’), ср. (1) [Вдруг в комнате стало холодно: — Почему стало так холодно?] — *zun dak'ar daqune* ‘я открыл окно’, то Результатив подчеркивает именно наступившее итоговое состояние (‘почему имеет место данное состояние?’), ср. (2) [—Почему здесь так холодно?] — *dak'ar daquna* ‘окно открыто’).

Во-вторых, эти формы противопоставлены по значению эвиденциальности. Так, хотя обе формы могут использоваться в повествовательных текстах о прошлом, условия их употребления различны. Перфект указывает на то, что говорящий повествует о событиях, наблюдавшихся им лично, т.е. выражает прямую засвидетельствованность: ср. (3) *ge adine* *če Xulas*, *lafaqune lakar*, *uq'une ustuliq*, “*lix pune ustulil ʔareq'i*” ‘он пришел к нам домой, снял обувь, сел за стол, «поставь, — сказал, — на стол вод-

¹ По принятой в типологических работах традиции, названия конкретно-языковых видовременных форм приводятся с прописной буквы.

² Запись примеров в работе приводится с использованием международной фонетической транскрипции (соответствующей, например, стандарту, принятому в [Кибрик, Кодзасов 1990]).

ку»'. Результатив же используется в повествовании о событиях, не наблюдавшихся говорящим лично, а известных ему со слов других людей, т.е. выражает пересказывательное значение, ср. (4) *ge adinaa če Xulas, lařaqunaa lakar, uq'unaa ustuliq, "lix punaa ustulil řareq'i"* [как мне рассказывали,] он **пришел** к нам домой, **снял** обувь, **сел** за стол, «поставь, — **сказал**, — на стол водку»'. В этом случае Результатив имеет уже чисто событийное значение, т.е. также обозначает действие, а не состояние. (В этом контексте исключено также использование первого лица.)

В литературе по типологии эвиденциальности отмечается, что формы со значением косвенной засвидетельствованности часто возникают в ходе эволюции результативных форм через ряд промежуточных стадий. Агульский Результатив демонстрирует как раз такой тип эволюции, причем имеющаяся в настоящее время ситуация в языке позволяет проследить различные стадии развития исходного результативного значения. Мы охарактеризуем различные типы употреблений Результатива, останавливаясь на том, как шла семантическая эволюция данной формы.

2.1.1. Собственно результативное значение

Исходным значением Результатива является собственно результативное значение, т.е. обозначение естественного состояния, наступившего в результате предшествующего действия. В агульском представлено несколько основных "диатезных типа" результатива, т.е. типов результативного значения, различающихся в зависимости от того, состояние какого из участников ситуации (агенса, пациенса и т.п.) описывает результативная форма (о диатезных типах результатива, а также о типологии результативного значения в целом см. прежде всего сборник [Недялков (ред.) 1983]).

Значение субъектного результатива характерно для непереходных глаголов, форма Результатива которых описывает итоговое состояние основного участника ситуации: ср. (5) *ge adinaa* 'он пришел (и сейчас здесь)'; (6) *ge Rarxunaa* 'он спит (= уснувши)'; (7) *ge k'inaa* 'он мертв'; (8) *ge pařmanxunaa* 'он жалеет (об этом), расстроен'; (9) *ge alurq'unaa* 'он упал (и сейчас лежит)'; (10) *ge uq'unaa* 'он сидит (= севши)'; (11) *ge Ruzunaa* 'он стоит (= остановившись)' и пр. Как правило, подобные глаголы свободно допускают использование первого лица в качестве субъекта действия, ср. (12) *zun alurq'unaa* '[иди помоги мне!] я упал (и лежу)'; (13) [Говорящий приходит домой и сообщает о своем присутствии:] *zun adinaa!* 'я пришел!'; (14) [Не шумите!] *zun Rarxunaa* 'я сплю' и т.п.

Отметим, что в ряде случаев при описании расположения человека (или предмета) в пространстве русской форме настоящего времени соответствует именно агульская форма Результатива: ср. *uq'unaa* 'сидит', *Rajřinaa* 'стоит', *Ruzunaa* 'стоит', *qadarkunaa* 'лежит'. Агульская же форма настоящего времени, или Презенса (деепричастие несовершенного вида и вспомогательный глагол *a* 'быть, находиться'), обозначает процесс вхождения в состояние, ср. *uq'aa* 'садится', *Rajřaa* 'встает', *Ruzaa* 'останавливается', *qadarkaa* 'ложится' и т.п.

Форма Результатива метеорологических глаголов, не имеющих обязательных актантов, описывает состояние природы: ср. *mič'e xunaa* 'стемнело, (сейчас) темно'.

Результатив переходных глаголов обычно описывает итоговое состояние пациенса, т.е. выражает значение объектного результатива: ср. (15) [— Принеси тарелку!] — *gur arřunaa* 'тарелка разбита'; (16) [— Почему так жарко в комнате?] — *dak'ar alčaq'unaa* 'окно закрыто'; (17) [Ты что не ешь?] *jamaķ rūxūnaa* 'еда сварена (≈ еда есть)'. В предложении при этом может быть упомянут и агент действия, однако речь все равно идет именно о состоянии объекта, ср. (18) *zun dak'ar alčaq'unaa* 'я окно за-

крыл (≈ мной окно закрыто)'; (19) *bawa jamaḱ rūxūnaa* 'мама еду сварила (≈ еда есть, сварена мамой)'

Имеется ряд переходных глаголов, форма Результатива которых может описывать и состояния агенса (так называемый "посессивный результатив"), ср. (20) *gi uXunaa* 'он выпивши (он пьян)'; (21) *zun ūt'unaa* 'я ел, я сыт (поевши)'. Это значение может выражаться и при упоминании конкретного объекта, когда речь идет все же о состоянии, в котором в данный момент находится агенс действия: ср. (22) *zun baluR ūt'unaa* 'я рыбу ел, [так что мне сейчас молока не наливай]'; (23) *gadaji k'uk' lik'inaa* 'мальчик в шапке (≈ шапку надевши)'; (24) [—Ты сейчас у родителей живешь?] — *zun Xal lixinaa* '(нет,) я дом построил (≈ у меня есть дом)'; (25) [— Иди помоги мне! — Не могу,] *zun šūniūk facunaa* 'я ребенка держу'.

Вместе с тем, для глаголов, имеющих посессивно-результативное значение, возможно обычное объектно-результативное прочтение: ср. (25) *Xal lixinaa* 'дом построен'; (26) *neḱ uXunaa* 'молоко выпито (молока нет)'; (27) *guni najčira ūt'unaa* 'хлеб кто-то съел (≈ хлеб кем-то съеден)'; (28) [— Ты где, что с тобой?] — *zun facunaa* 'я пойман (≈ меня схватили)' и пр.

В приведенных выше примерах на собственно результативное значение речь идет о результирующих состояниях, имеющих достаточно явные внешние проявления; при этом, как было показано, практически всегда возможно использование формы Результатива как с третьим, так и с первым лицом субъекта состояния.

В целом, собственно результативное значение агульского Результатива характерно в первую очередь для глаголов с предельной семантикой. Это не удивительно, поскольку именно предельные глаголы описывают действия, завершающиеся определенным конечным состоянием, т.е. определенным результатом. Во многих языках результативные формы образуются исключительно от предельных глаголов [Недялков (ред.) 1983: 25; Bybee et al. 1994: 65-66]. В агульском языке, однако, форме Результатива свойственна гораздо более значительная степень грамматикализации: данная форма образуется от всех глагольных лексем (за исключением нескольких стативных глаголов типа *kandea* 'любить, хотеть', *Naa* 'знать', *guč'aa* 'бояться' и др., у которых есть только формы несовершенного вида), т.е. не имеет лексических ограничений. С глаголами, не имеющими собственно результативного значения, форма Результатива может иметь другие типы прочтений, к характеристике которых мы переходим.

2.1.2. Результатив и косвенная засвидетельствованность

Результатив описывает не само действие, а только его результат, т.е. итоговое состояние. Само действие может наблюдаться или не наблюдаться говорящим, однако часто одного только наблюдения итогового состояния достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что действие имело место. Так, если говорящий приходит домой и обнаруживает на вешалке пальто своего знакомого (допустим, Али), он может сделать вывод о том, что пришел Али, — при том, что само действие, т.е. приход Али, говорящим не наблюдалось. Значение "логического вывода по результату" (или "инферентивное" значение; ср. англ. *inference*) относится к области косвенной засвидетельствованности, поскольку указывает на то, что свидетелем самой ситуации говорящий не был, а информацию о ее осуществлении получил косвенным путем (в данном случае, через умозаключение). Результативные формы часто приобретают данное значение, ср. агульский Результатив в упомянутом выше контексте: (29) [Придя домой, вижу на вешалке пальто Али. Тут я понимаю:] *ʔali adinaa* 'Али пришел'.

Использование в агульском языке Результатива в ситуации "логического вывода" характерно для двух типов случаев.

Во-первых, это происходит при описании ситуаций, которые по природе своей таковы, что они не завершаются каким-либо явным и однозначно определенным результатом (таким, например, как случаях ‘сел’ > ‘сидит’, ‘открыли’ > ‘открыт’, ‘съел’ > ‘съеден’ (пациенс) или ‘сыт’ (агенс) и т.п.). Соответственно, итоговое состояние таких ситуаций не имеет явных внешних признаков, а может быть идентифицировано лишь косвенным путем. Именно такие ситуации часто описываются формой Результатива неопределенных глаголов и глаголов восприятия: ср. (30) *fišč'ira misa? arucunaa* ‘здесь кто-то (что-то) искал’ [в комнате вещи лежат не на своих местах, дверцы шкафа приоткрыты и т.п.]; (31) *ge ʔašunaa* ‘она опять плакала’ [понимаю по ее заплаканному виду]; (32) *me kitabis Xuʔurfunaa* ‘эту книгу (уже) смотрели’ [т.к. страницы помяты]; (33) *gis wuri agunaa* ‘она всё видела’ [понимаю по ее неестественному поведению, хоть она и делает вид, что ничего не знает]. Во всех этих случаях форма Результатива описывает некоторое состояние, наступившее в результате осуществления действия, причем такое состояние, которое проявляется лишь по неявным, косвенным признакам.

Подобного прочтения Результатив, по понятным причинам, не имеет с формой первого лица субъекта: говорящий обычно точно знает, в каких ситуациях он участвовал, а в каких нет, а не устанавливает это косвенным путем. Форма Результатива приведенных выше глаголов допускает употребление первого лица только со специфическим значением, близкому к общефактическому (‘со мной такое уже бывало’): ср. (34) *zas agunaa le* ‘да я уже это (в принципе) видел’; (35) [—Почему ты больше не ищешь ключи?] — *zun arucunaa uže, č'eʕ.e* ‘да поискала я уже (≈‘наисклалась’), хватит’; (36) [— Он умер, что же ты не плачешь?] — *zun ʔašunaa* ‘плакал я уже (≈уже отплакал, не могу больше)’.³ Первое лицо допускается, однако, при описании неконтролируемых и ненаблюдаемых ситуаций, которые в принципе могут быть идентифицированы только по косвенным проявлениям: ср. (37) [По чиханию, кашлю, температуре понимаю:] *zas Haf, zun ifarxunaa* ‘по-моему, я заболел’.

Во-вторых, при описании ситуаций, имеющих естественное результирующее состояние, форма Результатива может быть использована и в случае, если это состояние в момент речи уже отсутствует, однако говорящий по некоторым наблюдаемым косвенным признакам делает заключение о том, что ситуация имела место. Так, предложение (38) *dak'ar daqunaa* может иметь как собственно результирующее прочтение ‘окно (сейчас) открыто’, т.е. описывать наблюдаемое в момент речи непосредственное итоговое состояние действия ‘окно открыли’, но также может быть использовано в ситуации, когда окно в настоящее время уже закрыто, но по некоторым косвенным данным (например, царапинам на подоконнике, которых раньше не было) говорящий может сделать вывод: ‘окно открывали’. Ср. аналогичные примеры: (39) *me k'uk' lik'inaa* ‘эту шапку (уже) надевали’ [судя по ее поношенному виду]; (40) *gada alurq'unaa* ‘мальчик (на улице) упал’ [судя по тому, что он домой пришел в грязных штанах, прихрамывая] и т.п.

Форма Результатива данных глаголов, как было показано выше (см. 2.1.1), может выражать и собственно результирующее значение (или “конкретно-результативное” значение, если использовать термин из книги [Недялков (ред.) 1983: 20]). В примерах

³ Отметим, что в агульском имеется особая форма Прошедшего общефактического (“первое причастие” совершенного вида плюс глагол е ‘быть, иметься’, ср. *aq'uf-e* ‘делал (в принципе)’), выражающая общефактическое значение “в чистом виде” (‘ситуация имела место на протяжении некоторого периода времени по меньшей мере один раз’): ср. (i) *me kitab zun ruXuf-e* ‘эту книгу я читал’; (ii) *ʔašuq' nūsret adif-e* *xe Hūris* ‘ашуг Нусрет приезжал (≈ бывал) в наше село’ и т.п.

же (38)-(40) значение результатива сохраняется лишь в ослабленном виде (ср. термин “общерезультативное” значение [там же]): речь идет уже не о непосредственном итоговом состоянии действия, а о менее явном “отголоске” этого действия — достаточном, однако, для того, чтоб сделать вывод о том, что действие имело место. В подобных примерах результативное значение (в “ослабленном” виде) совмещается со значением косвенной засвидетельствованности (а именно, с инферентивным значением). Акцент при этом отчасти смещается с обозначения состояния (проявляющегося лишь по некоторым косвенным следам) к обозначению предшествующего действия (о котором известно по этим косвенным следам).

Дальнейшая эволюция значения Результатива приводит к тому, что он начинает использоваться для описания ситуаций, известных по косвенным, но даже уже не по наблюдаемым данным — а именно, “из вторых рук”, т.е. со слов других людей. Это употребление Результатива было продемонстрировано выше (см. (4)). Здесь Результатив уже полностью теряет собственно “результативный” компонент, на первый план окончательно выходит акцент на обозначении действия, а не состояния: “отношение между двумя частями значения результатива меняется” [Bybee et al. 1994: 96]; при этом бывшая результативная форма становится маркированной по категории эвиденциальности. Эволюция исходно результативной формы идет, таким образом, по линии ‘собственно результатив’ > ‘результатив с инферентивным значением’ > ‘заглазное прошедшее’.⁴

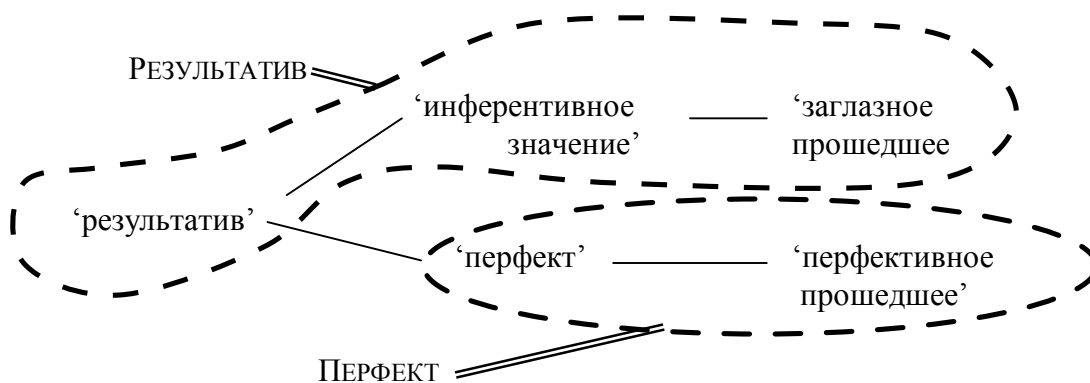
Вторая возможная линия эволюция, характерная для результативных форм в языках мира, состоит в превращении результатива в перфект (форму, которая указывает на прошлое действие, результат которого актуален для момента речи), с дальнейшим развитием последнего в наиболее общую форму прошедшего времени совершенного вида. Данная эволюция также предусматривает перемещение акцента с обозначения итогового состояния на обозначение предшествующего действия и также предусматривает расширение сочетаемости результативной формы (от класса предельных глаголов к большей части или всем глаголам), но не сопровождается развитием эвиденциальных значений (на основе значения “логического вывода”). Развитие по линии ‘результатив’ > ‘перфект’ > ‘простое (перфективное) прошедшее’ является чрезвычайно распространенным; оно зафиксировано, в частности, во истории многих европейских языков (германских, романских, славянских); см. [Недялков (ред.) 1983: 45 и сл.; Bybee et al. 1994: 68-69, 81 и сл.].

По-видимому, именно такую линию развития можно предполагать для агульской формы Перфекта, которая в настоящее время охватывает собственно перфектное значение, а также выступает в роли простого перфективного прошедшего (см. выше). Тем самым, агульский Перфект (исходно, скорее всего, являвшийся результативом) прошел путь развития от результатива к перфекту и простому прошедшему, утратив затем собственно результативное значение. Напротив, форма Результатива находится в настоящее время на пути эволюции от собственно результатива к “заглазному прошедшему”, сохраняя весь круг употреблений, характерный для промежуточных стадий такого раз-

⁴ Еще одной из распространенных функций форм, выражающих косвенную засвидетельствованность, является адмиративность, т.е. “выражение удивления по поводу неожиданного обнаружения факта, имеющего место в момент речи” [Козинцева 1994: 94]. Адмиративное прочтение в целом не свойственно агульскому Результативу; в ряде случаев адмиративный оттенок имеют аналитические формы, образуемые от деепричастия совершенного вида при помощи вспомогательного глагола *has* ‘стать’ (в данной работе не рассматриваются). Наличие у форм с глаголом *has* ‘стать’ “коннотации неожиданности, непредвиденности” (‘оказывается, делал’) отмечает Н. Д. Сулейманов [1993: 145-146], называющий данные формы “заглазными”.

вития. (Данное предположение подкрепляется еще и тем, что обе формы (Перфект и Результатив) имеют характерную именно для исходно результативных форм структуру: деепричастие совершенного вида и вспомогательный глагол ‘быть’ в настоящем времени; см. [Недялков (ред.) 1983: 14; Bybee et al. 1994: 67].)

Таким образом, на примере двух видо-временных форм агульской парадигмы можно наблюдать два распространенных типа диахронической эволюции результативных форм. Ниже на схеме показаны два этих пути эволюции, а также обозначены функциональные области, которые занимают на современном этапе развития агульский Перфект и Результатив:

2.2. Прошедшее результативное общефактическое

Значение, близкое к инферентивному, может выражаться еще одной видо-временной формой, условно названной нами Прошедшим результативным общефактическим. Эта форма образуется от причастия совершенного вида смыслового глагола (“второго причастия”) и вспомогательного глагола с ‘быть, иметься’, ср. *aq'unajef-e* ‘уже делал; похоже, сделал’. Данная форма семантически близка как форме Результатива, так и форме Прошедшего общефактического (о котором см. сноску выше), однако имеет свои характерные особенности. Здесь мы остановимся только на ее сходствах и различиях с формой Результатива.

Прежде всего, Прошедшее результативное общефактическое является акциональной формой, т.е. она обозначает действие, а не состояние (такие характерные для Результатива интерпретации, как “объектный результатив”, ей не свойственны). При этом данная форма обычно обозначает событие, результат которого сохраняется в настоящем, ср.: (41) *zun ?ut'unajef-e* ‘я (уже) ел [, мне суп не наливайте]’; (42) [— Открой окно, надо проветрить!] — *zun daqunajef-e dakar* ‘(да) я уже открывал окно’; (43) *upunajef-e zun gis* ‘сказал я ему [, так что он знает]’. Как видно по этим примерам, Прошедшее результативное общефактическое акцентирует внимание на прошлом действии, указывая, что его результат все еще сохраняет свою силу в момент речи (хотя, возможно, само действие произошло и завершилось определенным результатом достаточно давно); использование же Результатива означало бы, что непосредственный результат действия имеет место в момент речи: ср. (44) *zun ?ut'unaa* ‘я сыт (≈только что поевши)’; (45) *zun daqunaa dakar* ‘окно открыто (и это я его открыл)’ и т.п.; см. подробнее 2.1.1.

Другое использование Прошедшего результативного общефактического связано с указанием на ситуацию, которую говорящий не наблюдал, но которая, по его предпо-

ложению, имела место, ср.: (46) [Она отрицает, что что-то рассказала, но думаю, она врет:] *wuri upunajef-e gi* ‘все она сказала (судя по ее поведению)’; (47) [Мальчик говорит, что он не падал, но мне не верится:] *ge alurq'unajef-e* ‘по-моему, он (все же) упал’. Это значение отчасти близко инферентивному значению Результатива; отличие здесь состоит, однако, в том, что Прошедшее результативное общефактическое выражает гораздо более субъективное заключение говорящего. Форма Результатива используется в инферентивном значении в том случае, если имеющиеся в момент речи косвенные следы ситуации столь очевидны, что позволяют однозначно сделать вывод о том, что ситуация имела место: ср. (48) *ge alurq'unaa* ‘он упал [у него брюки испачканы и порваны на коленках]’, (49) *uRunaa* ‘(ночью) шел дождь [вижу утром мокрую землю]’, (50) *ge ʔaʃunaa* ‘она плакала [у нее покрасневшие глаза, на лице следы слез]’. Используя же форму Прошедшего результативного общефактического, говорящий делает утверждение не на основе столь очевидных и однозначных признаков ситуации, а на основе своего общего впечатления об имеющемся в момент речи положении дел: например, на основе поведения адресата, знания о характере участника или других общих знаний о мире. Ср. еще некоторые примеры: (51) *uRunajef-e* ‘видимо, (в горах) дождь шел [овцы вернулись с гор со слипшейся шерстью]’; (52) *ʔaʃunajef-e* ‘похоже, она плакала [явных следов нет, но как-то она странно себя ведет]’; (53) [Мальчик говорит, что он упал на улице, но, сдается мне,] *ge uq'unajef-e* ‘он (с кем-то) подрался’; (54) [Я запретил ему ходить на речку, но, по всему виду, он туда] *uʃunajef-e* ‘(все же) ходил’.

Можно сказать, тем самым, что Прошедшее результативное общефактическое выражает “ослабленное” инферентивное значение⁵ (так же, как и “ослабленное” результативное). В целом, инферентивное значение, особенно в его “ослабленном” виде, находится на пересечении категории эвиденциальности и эпистемической модальности (т.е. указания на то, насколько вероятной или правдоподобной говорящий считает осуществление описываемой ситуации: ‘мне кажется / по-видимому / наверное, ситуация имеет место’).

2.3. Пересказывательные формы

Выше говорилось о том, что одним из значений агульского Результатива является пересказывательное значение, т.е. указание на то, что информацию о ситуации, о которой сообщает говорящий, он получил “из вторых рук”, т.е. ему рассказали об этом другие люди.

В агульском языке имеется также специализированный показатель пересказывательного значения *-Raj* ‘говорят’, который восходит к деепричастию несовершенного вида глагола (*a*)*Ras* ‘говорить’. Этот показатель может использоваться при различных видо-временных формах глагола, ср. (55) *ge adine-Raj* ‘говорят, он пришел’ (Перфект); (56) *ge ʃ,aa-Raj* ‘говорят, он идет’ (Презенс); (57) *ge ʃ,ase-Raj* ‘говорят, он придет’ (Будущее). С формальной точки зрения показатель “пересказывательности” фактически представляет собой суффикс: он всегда располагается на глагольной словоформе и неотделим от нее, а при наличии в предложении цепочки видо-временных форм сопровождает каждую форму, ср. пример, аналогичный (3) и (4) выше: (58) *ge adine-Raj ʃe Xulas, laʃaqune-Raj lakar, uq'une-Raj ustuliq, “lix pune-Raj ustulil ʔareq'i”* ‘он пришел (, говорят,) к нам домой, снял (, говорят,) обувь, сел (, говорят,) за стол, «поставь, — сказал (, говорят), — на стол водку»’ (с формами Перфекта). Подобное повторение пересказывательного показателя является абсолютно грамматичным и естественным (в

⁵ Для обозначения данного значения иногда используется термин “презуптив” (см., например, [Плунгян 2000: 324]).

отличие, например, от аналогичного повторения русск. *говорят* или *мол* после каждого глагола).

Использование показателя *-Raj* имеет важное прагматическое отличие от использования Результатива в пересказывательном значении. Употребляя показатель *-Raj*, говорящий более явно отстраняется от сообщаемого факта, снимая с себя ответственность за его истинность ('я сам не знаю, но так говорят'), тогда как использование Результатива не указывает на его сомнение в известном ему "из вторых рук" факте ('я это знаю точно, хотя сам не видел').

3. Заключение

Итак, категория эвиденциальности играет достаточно значительную роль в видо-временной системе агульского языка. Агульский язык имеет грамматические средства для выражения ряда эвиденциальных значений, причем можно говорить о сложном переплетении функций различных грамматических показателей и, в целом, о богатстве семантического поля эвиденциальных значений в языке.

Можно надеяться, что данные агульского языка (а также других нахско-дагестанских языков, в которых категория эвиденциальности пока не была исследована) могут оказаться полезными для установления дальнейших типологических обобщений о способах выражения и диахронической эволюции эвиденциальных значений в языках мира.

Литература

- Дирр А. Агульский язык. Тифлис, 1907.
- Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 2. М., 1977.
- Кибрик А. Е. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Кибрик А. Е. (ред.) Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков: Имя. Фонетика. М., 1990.
- Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. № 3. 1994.
- Магометов А. А. Агульский язык: Исследования и тексты. Тбилиси, 1970.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии, том 2. Часть 2: Морфологические значения. М.-Вена, 1998.
- Мерданова С. Р., Майсак Т. А. Агульский язык. (Серия "Языки народов России".) М., 2002. [Рукопись]
- Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.
- Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.
- Шаумян Р. М. Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем). М.-Л., 1941.

Bybee, J.; Perkins, R.; Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Chafe, W.; Nichols, J. (eds.) Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986.

Guentchéva, Z. (éd.) L'énonciation médiatisée. Paris and Louvain: Peeters, 1996.

Willett, T. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // *Studies in Language* 12.1: 57-91, 1988.

Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of Pragmatics*, 33: 349-357, 2001.